

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Ярцев Р.А. Проблема Геттиера с позиций рационально-го скептицизма. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 7–24.

УДК 165.0

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7

Проблема Геттиера с позиций рационального скептицизма

Рустэм Альбертович Ярцев

Уфимский государственный авиационный технический университет,
г. Уфа, Россия

E-mail: rust-66@yandex.ru

*Поступила в редакцию 07.10.2020, поступила после рецензирования 19.01.2021,
принята к публикации 25.01.2021*

Настоящая статья посвящена обсуждению проблемы Геттиера, более полувека остающейся неразрешенной эпистемологической головоломкой. Предложенные Э. Геттиером контрпримеры ведут к необходимости ревизии классического тройственного определения знания, цель которой видится в устранении неоднозначности трактовки истины данным определением. Показывается ошибочность большинства путей решения проблемы, которые лишь сужают «зазор» между «объективной» истиной и «истиной субъекта» в определении, не спасая его от новых, более изощренных, контрпримеров. Обосновывается правильный путь решения, состоящий в освобождении классического определения от требования интерсубъективности знания, исполнение которого в реальных когнитивных практиках невозможно. В этом направлении предлагается новое решение, основу которого составляет авторская концепция рационального скептицизма, объединяющая в научном познании:

© Ярцев Р.А., 2021

1) глобальный скептицизм, выражаемый тезисом «Я знаю только то, что я ничего не знаю»; 2) локальный скептицизм, ограниченный принятыми предпосылками и преодолеваемый в результативных научных исследованиях; 3) универсальный научный метод, нормирующий каждое научное исследование как очередность этапов постановки вопроса, выдвижения гипотез, проверки гипотез и синтеза ответа, скептической рефлексии над ответом. Предлагаемое решение определяет знание как обоснованное убеждение познающего субъекта, которое не является истинным в интерсубъективном смысле, а принимается за истину лишь данным субъектом, убежденным также в истинности обоснования и его предпосылок. Благодаря этому в рациональных когнитивных практиках легализуется пересмотр знания различными субъектами, который позволяет объяснить парадоксы Геттиера, обнаружив под маской «объективной» истины, опровергающей чьи-либо обоснованные убеждения как знание, «всего лишь» истину пересматривающего их субъекта. Эффективность предлагаемого решения иллюстрируется для любительского научного познания на таких известных примерах, как «корова на лугу», «получение Смитом работы», «обман девушки при знакомстве». Раскрывается теоретическое и практическое значение решаемой проблемы.

Ключевые слова: проблема Геттиера, знание, истина, пересмотр, рациональный скептицизм, научный метод

The Gettier Problem from a Position of Rational Skepticism

Rustem A. Yartsev,

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

E-mail: rust-66@yandex.ru

Received 07.10.2020, revised 19.01.2021, accepted 25.01.2021

Abstract. This article focuses on the discussion of the Gettier problem, which has remained an unresolved epistemological puzzle for more than half a century. Counterexamples proposed by E. Gettier highlight the need for auditing the classical triple definition of knowledge aimed at eliminating the ambiguity of the interpretation of the truth using this definition. It shows the fallacy of the most ways to solve the problem, which only narrow the “gap” between the “objective” truth and the “truth of the subject” in the definition, without saving it from new, more sophisticated counterexamples. The correct solution path is substantiated, which consists in freeing the classical definition from the requirement of knowledge intersubjectivity, the implementation of which is impossible in real cognitive practices. A new solution is proposed in this direction, the basis of which is the author’s concept of rational skepticism, combining the following aspects of scientific knowledge: 1) universal skepticism of the thesis “I know that I know nothing”; 2) local skepticism, limited by accepted premises and overcome in effective scientific research; 3) universal scientific method that normalizes each scientific research as a sequence of stages of posing a question, putting forward hypotheses, testing hypotheses and synthesizing answer, skeptical reflection on the answer. The proposed solution defines knowledge as a justified belief of the cognizing subject, which is not true in the intersubjective sense, but is accepted as true only by the given subject, who is also convinced of the truth of the justification and its prerequisites. Due to this, rational cognitive practices legalize the

revision of knowledge by various subjects, which allows one to explain Gettier's paradoxes, having discovered under the guise of "objective" truth, refuting anyone's justified beliefs as knowledge, nothing but the truth of the subject who revises them. The effectiveness of the proposed solution is illustrated for amateur scientific knowledge on such well-known examples as "a cow in the meadow", "Smith getting a job", "Deceiving a girl upon meeting". The theoretical and practical significance of the problem is revealed.

Keywords: Gettier's problem; knowledge; truth; revision; rational skepticism; scientific method

For citation: Yartsev R.A. The Gettier Problem from a Position of Rational Skepticism, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 7-24. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7.

Введение. Как известно, обсуждаемая проблема увидела свет в 1963 г., когда малоизвестный ученый Э. Геттиер опубликовал свою знаменитую статью (Gettier 1963), где против классической трактовки знания были выдвинуты фальсифицирующие контрпримеры, ведущие к парадоксам. С тех же пор в зарубежной эпистемологии продолжаются дискуссии по проблеме, которые пока так и не привели к общепризнанному решению. На каждом из предложенных путей решения, обзор которых содержится в учебной литературе (Клейнман 2016), обнаруживаются свои недостатки; их детальному анализу посвящен, в частности, ряд современных отечественных публикаций (Антоновский 2010; Демин 2019; Куслий 2011). Результаты данного анализа подтверждают общий вывод о том, что проблема Геттиера по сей день остается неразрешенной головоломкой для специалистов–эпистемологов.

Следуя по пути, открытому нашими предшественниками, мы получили новое решение обсуждаемой проблемы, претендующее на достоверность и практическую значимость, которое излагается в настоящей статье. Поэтому приводимый здесь обзор уже известных решений не стремится к полноте изложения, а касается лишь их наиболее существенных недостатков, препятствующих устранению парадоксов знания. Более подробно мы рассматриваем лишь идеи Г.К. Ольховикова, чей ответ на критику создает впечатление неузвимости предложенного им решения (Куслий 2011: 43), а также Я.В. Шрамко, избравшего, на наш взгляд, правильную стратегию. Кроме того, для ясности и полноты описания нашего решения проблемы потребовалось раскрыть концепцию рационального скептицизма, которая подробно обсуждается в других работах (см., напр.: Ярцев 2013; Ярцев 2015а; Ярцев 2015б; Ярцев 2018).

Сущность проблемы. В классическом определении знание трактуется как обоснованное истинное убеждение или правильное мнение с объяснением (Платон 1993: 263). Из данного определения вытекает, что любое знание содержит три обязательных элемента: 1) убеждение или мнение познающего субъекта, который верит в нечто как в истину; 2) истину, являющуюся объективным содержанием предмета субъективного верования; 3) имеющееся у субъекта обоснование в поддержку того, что предмет верования является истиной, а не заблуждением. Однако на многочисленных

примерах так называемых *случаев Геттиера* доказывається, что этого определения недостаточно для дефиниции знания, поскольку, даже если субъект обладает всеми тремя элементами последнего, он может тем не менее заблуждаться.

Приведем здесь лишь два подобных примера. Первый пример взят из учебника и описывает ситуацию «корова на лугу» (Клейнман 2016: 41). Хозяин потерял из виду корову, но гость его успокаивает тем, что недавно шел по лугу и видел животное пасущимся. Присмотревшись в нужном направлении, хозяин действительно различает что-то крупное, в черных и белых пятнах. Это подтверждает слова гостя, и хозяин заключает, что его корова в самом деле находится на лугу. Однако позже, на обратном пути через луг, гость замечает, что корову совсем не видно из-за деревьев, а хозяин, вероятно, принял за нее прицепившийся к дереву огромный лист черно-белой бумаги. Ясно, что при этом владелец коровы заблуждался, пусть даже имел о ней искреннее и обоснованное мнение, по случайности оказавшееся истинным.

Другой аналогичный пример приводит сам Э. Геттиер (Gettier 1963: 122). Некто Смит конкурирует с неким Джонсом за право занять некую должность. В какой-то момент глава компании сообщает Смигу, что должность, скорее всего, получит Джонс. Смит при этом знает, что у Джонса в кармане есть десять центов. Отсюда он делает вывод, что должность займет человек с десятью центами в кармане. Однако позже выяснилось, что должность досталась самому Смигу, в кармане которого также обнаружили 10 центов. В итоге получается, что прогноз Смита оказался верным и приобрел полный набор признаков знания, хотя этот соискатель, безусловно, ошибался в своих расчетах.

Обратим внимание на небольшое различие между данными примерами, которое, однако, весьма существенно для рационального скептицизма. Так, в ситуации «корова на лугу» аргументы, опровергающие достоверность ранее известного обоснования, были получены конкретным лицом (гостем). В конкурсной же ситуации опровержение имеет обезличенную форму некоторой «объективной» истины, не допускающей сомнений ни в том, что должность получил именно Смит, ни в том, что у него в кармане было как раз 10 центов. Однако обезличенное представление аргументации является неполным и неточным, потому что по умолчанию всегда предполагает когнитивную деятельность людей – в данном случае, тех, кто издает приказы о приеме на работу, информирует конкурсантов, шарит по карманам и т.п.

Из приведенных примеров ясно, что классическое определение знания следует пересмотреть, исключив из объема данного понятия все, что относится к «случаям Геттиера». Однако что именно здесь подлежит изменению, где находится источник вскрывшейся проблемы? Анализ и сопоставление признаков знания позволяют найти ответ на этот вопрос. Так, А.Л. Никифоров замечает, что первый и третий элементы определения характеризуют установки субъекта, тогда как второй элемент имеет совершенно иную природу, сообщая «о некоем объективном (или интересубъективном) факте» (Никифоров 2009: 64). В том же направлении движется мысль Л. Загзеб-

ски, которой «удалось показать, что, если в теории знания существует разрыв между истинной и обоснованием (локальной надежностью, причинно-следственной связью и так далее), можно создать случай Геттиера, который опровергнет такую теорию» (Демин 2019: 67).

С нашей стороны проблема видится следующим образом. Прежде всего, здесь в самом деле налицо расхождение между определением истины во втором и всех прочих признаках знания. Вторым признаком определяет ее как *истину объективную*, которая достоверна абсолютно или безусловно и имеет для человеческого познания интерсубъективное значение. Остальные же признаки говорят о ней как об *истине субъекта*, объективность которой основана на аффекте веры в безошибочность собственных представлений, а также в безошибочность и достаточность найденного обоснования. Отсюда ясно, что достоверность истины субъекта относительна или условна, поскольку всегда присутствует ненулевая вероятность ошибки. Когда ошибка выявляется, то тут же обнаруживается расхождение между объективной истиной и истиной субъекта, потому что роль первой уже берет на себя опровергающая точка зрения. Ошибки при этом могут возникать в рассуждениях субъекта и в используемых предпосылках, иногда не затрагивая общий вывод или результат познания, что подводит под тройственное определение знания также и опровергнутое *мнение*, создавая видимость парадокса.

Последняя ситуация, очевидно, как раз иллюстрируется случаями Геттиера. Таким образом, проблемой рассматриваемого определения является неоднозначное понимание истины в нем как разрыв или «зазор» между объективной истиной и истиной субъекта в аспекте достоверности познания. Каким же способом можно устранить этот «зазор»?

Пути решения. Если тройственному определению знания соответствуют «случаи Геттиера», которые являются не знанием, а заблуждением, то напрашивается очевидная идея – ужесточить данное определение, добавив к нему четвертый признак, дополнительно обуславливающий знание. Иллюстрируя эту идею воображаемым переходом от «треугольника» к «квадрату», П. Клейнман выделяет четыре дополнительных условия, каждое из которых призвано по-своему справиться с проблемой Геттиера (Клейнман 2016: 43):

1. Условие об отсутствии ложных посылок, на которых основывается мнение субъекта.
2. Условие наличия причинной связи между наблюдаемым объектом внешней среды и мнением субъекта.
3. Условие надежной (неоспоримой) причины, приводящей субъекта к истинному мнению.
4. Условие оспоримости, признающее мнение субъекта знанием лишь до тех пор, пока нет обоснования, указывающего на обратное.

Не вдаваясь в критику этих условий, которая отражена в приведенной литературе, укажем на главный их недостаток, препятствующий решению проблемы знания. Заметим, что первые три условия «по своей природе» отличны от четвертого. Цель каждого из них состоит в том, чтобы добавить ко второму признаку знания еще один, вспомогательный, признак,

усиливающий *требование объективности* выясняемой истины требованием объективности либо ее предпосылок, либо внешнего каузального фактора (экстернализм), либо же неоспоримой причины, обуславливающей достоверность вывода (релейабиллизм). Авторы соответствующих новаций явно рассчитывали на то, что усиленные таким образом требования к знанию повлекут за собой исключение из него случаев Геттиера. Однако эти надежды, как нам думается, напрасны, потому что предлагаемые новшества лишь сужают «зазор» между объективной истиной и истиной субъекта, не устраняя его, и по данной причине сохраняют за вновь полученным «квадратным» определением знания все шансы пасть жертвой новых, более изощренных, контрпримеров Геттиера. Таким образом, наша точка зрения здесь поддерживает результаты Л. Загзебски.

Иначе и быть не может, поскольку гарантировать объективность обосновывающих истин субъект познания не способен, равно как и объективность истины, поддерживаемой обоснованием, которое вообще не следует приписывать субъекту, если оно недоступно для него (см., напр.: Куслий 2011: 46). Отсюда становится понятным единодушие, с которым различные авторы при рассмотрении очередной дополняющей теории знания говорят о том, что и она не обеспечивает абсолютной достоверности убеждений субъекта (Антоновский 2010: 111; Демин 2019: 63–64, 66; Куслий 2011: 46). Поэтому для подтверждения наших выводов рассмотрим лишь один пример, относящийся к первому из четырех условий.

В своей статье Г.К. Ольховиков выдвигает определение знания, которое требует, чтобы все суждения, входящие в обоснование как посылки, были истинными (Ольховиков 2009: 50). На это определение Л.Д. Ламберов ответил контрпримером в духе Геттиера, содержание которого сводится к следующему. Парень по имени Джек знакомится с девушкой, представившись ей как Эрнест. Девушке Джек понравился, и она поверила ему, проникшись убеждением в том, что перед ней действительно Эрнест и что парня только с таким именем она сможет полюбить. Убеждение девушки обоснованно, потому что молодой человек сам так назвался. Но оно оказывается также истинным, поскольку никто из собеседников не догадывается, что настоящее имя Джека как раз Эрнест. Знает ли девушка, что обманщика на самом деле зовут Эрнест? присутствуют ли ложные посылки в ее рассуждении? – автор примера задает риторические вопросы, предполагающие отрицательный ответ (Ламберов 2010: 85–86).

Защищая свое определение, Г.К. Ольховиков обобщает выставленный контрпример до «архетипической» ситуации С: «Агент а в разговоре с агентом b делает некое утверждение p, считая его ложным. Агент b, поверив этому утверждению, начинает считать p истинным. Однако а ошибался, считая p ложным; в действительности p истинно. В таком случае b прав, считая p истинным, однако кажется весьма вероятным, что b не знает, что p» (Ольховиков 2010: 99). Ситуация С не может служить для построения контрпримеров к защищаемому определению O2, утверждает далее автор, приводя в качестве доказательства следующее рассуждение: «Как бы ни выглядело обоснование b своей уверенности в p, существуют лишь две возможности.

Либо это обоснование содержит утверждение “а верит/считает, что р”, либо нет. В первом случае обоснование b включает в себя ложное суждение и, следовательно, не удовлетворяет условиям O2. Таким образом, построение контрпримера оказывается невозможным. Во втором случае невозможно утверждать, что b поверил в р потому, что был введен в заблуждение агентом а: b пришел к выводу, что р, не на основании доверия к свидетельству а, а на основании других фактов, независимых от смысла этого свидетельства. Например, он мог иметь независимое экспертное заключение о том, что в действительности р. Тогда статус р в качестве знания b определяется статусом тех независимых от смысла утверждения а фактов и принципов, на основании которых b решил, что р истинно. Таким образом, вся ситуация может быть переформулирована без ссылок на ненамеренную ложь а, а значит, использование С для построения контрпримера не является существенным» (Ольховиков 2010: 100).

Из приведенного текста ясно, что автор считает свидетельство а ложной посылкой для b, не соглашаясь здесь с Л.Д. Ламберовым и отвергая тем самым его пример как случай Геттиера в отношении O2. Но принимать чье-либо свидетельство за ложную посылку нельзя лишь на том основании, что оно *может* оказаться ложным: во всяком случае, любой судья считает свидетельские показания важной частью содержательной аргументации по рассматриваемому делу. При этом он хорошо понимает, что свидетели могут лгать, предупреждая об ответственности за дачу ложных показаний. Однако до тех пор, пока факт дачи свидетелем ложного показания не вскрылся судом, оно участвует в судебном разбирательстве как истинная посылка. Вернемся к примеру с Джеком-Эрнестом. Девушка узнает от парня его имя, никаких опровержений этому нет, отсюда она правомерно заключает, что молодого человека зовут Эрнест: именно так и действует большинство из нас при знакомстве с людьми. Но, допустим, это недоверчивая девушка, обладающая навыками молодого судьи, которую терзают сомнения насчет имени нового знакомого. Тогда у нее должен найтись еще ряд аргументов в поддержку версии «Эрнест». Во-первых, человек обычно лучше всех знает, как его зовут, поэтому компетентность знакомого в качестве эксперта высока. Во-вторых, подлог, как правило, совершается с корыстной целью, которая в данном случае не просматривается. В-третьих, тот, кто представился как Эрнест, в разговоре с девушкой ни разу не был пойман на лжи, а из ее знакомых еще никто и никогда не представлялся чужим именем: отсюда по индукции ясно, что в данном случае человек также правдив.

Допустим далее, что беспокойный критический дух девушки настолько силен, что вслед за Г.К. Ольховиковым без труда расправится с каждым из представленных аргументов, объявив их все «ложными послылками» и потребовав «независимой экспертизы». Могут ли тогда удовлетворить этот дух «эксперты», называющие Джека Эрнестом в присутствии девушки, или такие «заключения», как показанный ей документ с фотографией парня, выданный солидным учреждением на имя Эрнеста? Конечно же нет, потому что «эксперты» могут участвовать в обмане, а документы – оказаться фальшивыми. Чтобы сэкономить на дальнейших рассуждениях, сошлемся

на классический труд К. Поппера, где демонстрируется регресс в бесконечность обоснований на примере с проверкой газетной новости (Поппер 2004: 45-46), и перейдем сразу к выводу. Итак, проблема с определением O2 не в каком-либо его логическом изъяне, а в том, что оно не применимо на практике, поскольку нельзя достоверно разделять истинные и ложные послылки. Если агент b запретит считать истинными любые послылки, не обладающие абсолютной достоверностью, то он должен будет вслед за свидетельством а исключить из обоснования р те «факты и принципы», ложность которых теоретически возможна, в результате чего он останется вообще без посылок и не сможет каким-либо образом обосновать р. Если же ослабить столь жесткое требование и разрешить те послылки, в истинности которых b «всего лишь» убежден, то перед O2 вновь возникает неразрешимая проблема Геттиера.

В дополнение к сказанному упомянем еще о такой альтернативе трояственного определения, как «философско-научное» определение знания: «...знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений» (Никифоров 2009: 63). Вводимые здесь критерии общезначимости и интерсубъективности аналогичны признаку объективной истины, поскольку предъявляют к знанию требования, не исполнимые в человеческом познании. Ведь оба критерия выражают идеал, которого не могут достичь конкретные истины субъектов, ибо ни для одной из них нельзя гарантировать повсеместного распространения и всеобщего согласия как в настоящие, так и будущие времена. Кроме того, не следует обуславливать знание языковой формой его представления, которая необходима лишь для обмена информацией между различными субъектами. Всякое знание носит, прежде всего, личностный характер (Полани 1985), и субъект часто пользуется им неявным образом, не вербализуя своих представлений об истине и не имея своей целью распространение знаний. Из «вербального» же определения вытекает, что перевод предложения с одного языка на другой сопровождается изменением знания, первоначально выраженного на языке оригинала, а это противоречит традиционным воззрениям.

Рассмотрим теперь последнее из четырех условий – условие оспоримости знания в том случае, если найдено новое, опровергающее, обоснование, которое означает необходимость пересмотра убеждений субъекта. Сразу же заметим, что данный принцип поддерживается и наукой, положения которой всегда открыты для возможной фальсификации с последующей заменой на новое знание, и судебной практикой, допускающей пересмотр решений суда ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Однако удивительным образом именно условие оспоримости меньше всего обсуждается в дискуссиях по проблеме Геттиера. Лишь у Я.В. Шрамко процесс познания трактуется «как смена одних убеждений другими, осуществляемая в ходе их перманентного критического пересмотра» (Шрамко 2005: 6). Множество убеждений субъекта здесь понимается как его «эпистемическое состояние», а для рациональных эпистемических состояний вводятся познавательные операции расширения, сокращения и ревизии, в связи с чем

исследуется сводимость проблемы роста знания к проблеме сокращения убеждений. Однако до ревизии тройственного определения знания и решения проблемы Геттиера автор не доходит, сохраняя иллюзию «стопроцентной достоверности» знаний субъекта как подмножества всех его «мнений» (Шрамко 2005: 6) и рассматривая познавательный скептицизм только как «водораздел между “всего лишь мнениями” и “подлинными знаниями”, преодоление которого является необходимой предпосылкой развития и роста наших знаний» (Шрамко 2005: 18).

На этом утверждении автора остановимся особо. П.С. Куслий по данному поводу справедливо замечает, что в рамках обсуждаемой логики приращения и ревизии верований остается непонятным, каким именно образом может произойти обретение субъектом нового знания (Куслий 2011: 40). Думается, что первопричиной затруднений Я.В. Шрамко послужила неверная трактовка им тезиса, приписываемого Сократу: «Я знаю только то, что я ничего не знаю» (Серов 2005: 864). Эта трактовка устраняет противоречие, возникающее при буквальном понимании тезиса, путем замены первого употребления глагола «знаю» на «убежден». Однако мы не можем здесь согласиться, во-первых, с искажением мысли Сократа вследствие отбрасывания слова «только», в результате чего исходный тезис звучит так: «Я убежден в том, что я ничего не знаю» (Шрамко 2005: 17). Во-вторых, с истолкованием тезиса как «положения, фиксирующего исходный пункт процесса познания» (Шрамко 2005: 4) и задающего упомянутый выше «водораздел», который преодолевается в познании. В-третьих, с утверждением о том, что истолкование тезиса как скептической или агностической позиции ведет к его обесмысливанию (Шрамко 2005: 4). По первому пункту заметим, что слово «только» не могло употребляться Сократом без смысловой нагрузки, а сохранение этого слова в редакции Я.В. Шрамко искажает исходный тезис: выходит, что Сократ лишь сознается в собственной глупости, отрицая за собой обладание не только знаниями, но и мнениями, за исключением мнения о тотальном незнании. По второму пункту мы уже достаточно разъяснили выше, что никакой «стопроцентной достоверности» знаний никакое обоснование дать в принципе не может, а потому указанный автором «водораздел» выступает не только исходным, но и конечным пунктом любого познавательного процесса. По третьему же пункту мы, напротив, считаем, что тезис Сократа как раз и является манифестом скептицизма по отношению к знанию, и готовы теперь изложить его собственную трактовку.

Конечно, Сократ – не школьник, чтобы указывать ему на тот очевидный факт, что произнесенная им фраза самоприменима и в применении к себе противоречива. Но если философ это осознавал, то единственной причиной, по которой он решил высказаться парадоксально, могло быть желание придать своему тезису яркую литературную форму. И цель в данном случае была достигнута, потому что тезис стал афоризмом, крылатым выражением. Если бы Сократ выразился точнее: «Я знаю только то, что я *больше* ничего не знаю», – и при этом даже короче: «Я *вообще* ничего не знаю», то афоризма бы не получилось, и обсуждать нам сегодня было бы, наверное, нечего. Однако смысл его формулы, мы считаем, именно таков. Но как же

тогда правильно транслировать ее средствами современного языка? Ясно, что в актуальном понимании знания как когнитивной или эпистемической ценности (Черняк 2009) она становится не меньшей бессмыслицей, чем высказывание об отсутствии всяких убеждений. Однако древнегреческий философ вряд ли понимал «знание» иначе, чем отличая его от «мнения» по достоверности. Поэтому тезис Сократа сегодня, на наш взгляд, адекватно трактуется как «Достоверность знаний не абсолютна» или «В познании не достигается объективная истина». Но ведь это же и есть скептический принцип!

С античных времен известно, правда, классическое возражение против скептицизма, также состоящее в самоприменимости: если и сомнение сделать сомнительным, то «скептицизму наступает конец» (Фишер 2003: 70). Но у скептицизма есть, на наш взгляд, достойный ответ: сомнительность самого сомнения лишь доказывает необходимость иных когнитивных практик, которые либо преодолевают всякий скептицизм, либо не нуждаются в нем, равно как и в обосновании своего знания. Например, А.З. Черняк отмечает, что можно теоретически сомневаться в чем-либо, но на практике верить в это без обоснования (Черняк 2009: 70). Мы также согласны с А.Ю. Антоновским, указывающим на необходимость решать проблему определения знания с учетом когнитивных стандартов различных практик (Антоновский 2010: 118). Излагаемое же далее решение этой проблемы относится к научному познанию как рациональной практике, подчиненной скептицизму и другим когнитивным принципам, которых, насколько можно судить, придерживался также Сократ. Данное решение можно охарактеризовать как ревизию тройственного определения через вводимый признак оспоримости знания, устраняющую возможность опровержения случаями Геттиера.

Решение проблемы. Чем же условие оспоримости, составляющее содержание четвертого, дополнительного, признака знания, принципиально отличается от других трех условий? Тем, что оно не пытается усилить требование объективности истины во втором признаке знания, а, напротив, снимает его. Ведь допущение оспоримости релятивизирует познаваемую истину, которая теперь понимается не как объективная истина, а как истина субъекта, нуждающаяся уже в обосновании. Такая трактовка, конечно, ничего не добавляет к тройственному определению, поскольку и без того содержится в двух других признаках знания. Наоборот, она редуцирует данное определение, устраняя необходимость второго признака, который ныне уже не применяется к какому-либо конкретному знанию. Тем самым «треугольник» определения сворачивается до «отрезка», что на практике означает реализацию тезиса Сократа: действительно, если объективная истина не достигается в познании, то требование ее следует исключить из определения знания как избыточное.

Впрочем, тройственную форму определения можно все же сохранить, если отделить содержание устанавливаемой истины от сопутствующих ему у субъекта аффектов веры. В таком случае предлагаемое определение знания будет включать следующие признаки:

1. Положение, принимаемое познающим субъектом за истину.
2. Обоснование, выдвигаемое субъектом в поддержку истинности положения.
3. Убежденность субъекта в истинности положения, обоснования и его предпосылок.

Если попытаться охватить все три признака в общей формулировке, то знание определяется как *обоснованное убеждение, принимаемое за истину*. Сразу же, однако, следует оговорить, что данное определение относится не к любому, а лишь к *рациональному* знанию как знанию рациональных когнитивных практик, осознающих возможность заблуждения и пытающихся его избежать путем истребования обоснований. Здравый смысл человека обычно рационализирует содержание применяемых когнитивных практик, добавляя к их стандартам правила обоснования, базирующиеся на авторитете неких лиц, текстов или процедур как достоверных источников знания. Однако отрицать иррациональное познание все же нельзя хотя бы из-за того, что практические решения при дефиците времени порой принимаются интуитивно. Поэтому общее определение знания должно рассматривать последнее просто как убеждение познающего субъекта в истинности чего-либо. На наш взгляд, такое определение не слишком расходится с обыденными представлениями о знании.

Несмотря на данную оговорку, проблему Геттиера следует решать, очевидно, в стандартах рациональных когнитивных практик, применяющих исправленное нами тройственное определение, которое требует обоснования как обязательной составляющей знания. Более того, логический характер обоснований, эмпирические предпосылки и беспристрастность выводов, отличающие любое учитываемое здесь обсуждение случаев Геттиера, свидетельствуют о том, что решение одноименной проблемы необходимо искать в стандартах именно научного познания. По этой причине мы изложим теперь содержание рационального скептицизма, принимаемого нами за основной принцип науки как когнитивной практики.

Прежде всего, подчеркнем, что скептицизм, задаваемый тезисом Сократа, применяется ко всему научному знанию, включающему не только принимаемые на веру предпосылки, но и обосновываемые результаты научных исследований: истинность как тех, так и других может пересматриваться с развитием науки. Такой скептицизм имеет принципиальное методологическое значение: ведь любое его ограничение означает запрет на пересмотр знания, препятствующий обнаружению и исправлению ошибок, от которых не застраховано ни одно исследовательское обоснование. Скептицизм данного вида можно назвать радикальным или глобальным, отличая его от локального скептицизма, действие которого ограничено множеством положений конкретного научного исследования, принимаемых исследователем за истину, в том числе предпосылок и выводимой из них аргументации. В силу своей ограниченности локальный скептицизм преодолевается познающим субъектом, который в рамках своей аргументации может однозначно судить об истинности тех или иных получаемых результатов. Важность же для научного познания локального скептицизма обусловлена как

раз необходимостью конструктивного результата в исследовании, что означает и неразумность для исследователя радикальных сомнений (Сокал, Брикмон 2002: 59, 156). Скептицизм данного вида, скорее всего, является также тем «водоразделом» на пути к знанию, о котором пишет Я.В. Шрамко.

Помимо локального скептицизма, который действует внутри научного исследования и может быть преодолен, имеется еще одна причина, по которой скептицизм глобальный не ввергает исследовательский процесс в хаос: это наличие универсального научного метода, обязательного к применению в каждом исследовании. Под данным методом понимается наиболее общая исследовательская процедура, которая не подменяет собой методы частных наук, но предполагает их использование: аналогичная ей процедура ведения судебного дела, предусмотренная законом, также не уточняет особенности конкретных разбирательств, опираясь при этом на специализированные установления. Однако, в отличие от своего судебного аналога, нормы универсального научного метода распространяются среди ученых не путем предписываемых установлений, а неявным образом, через обучение на примере реальных исследований, в проведение которых вовлекается обучаемый. Это возможно, потому что по своей простоте данный метод сравним с так называемым *ритмическим методом* поэзии, требующим рифмования фрагментов текста: ведь трудно себе представить, чтобы кто-то овладевал поэтическим мастерством по учебникам стихосложения, а не по образцам популярных стихотворений. Простоту метода подтверждает его гипотетико-дедуктивное содержание, известное каждому ученому на практике и эксплицируемое нами в виде последовательности из четырех основных этапов: 1) постановки вопроса; 2) выдвижения гипотез; 3) проверки гипотез и синтеза ответа; 4) скептической рефлексии над ответом. Отметим также, что проверка каждой из выдвинутых гипотез предполагает обязательное использование процедур логического подтверждения и опровержения, в результате чего формируется обоснованный ответ на поставленный вопрос.

Теперь необходимо уточнить, что под научным исследованием мы понимаем любой когнитивный процесс, осуществляемый согласно изложенному методу. Отсюда следует, что, во-первых, автором такого исследования может быть не только профессиональный ученый, но и любой познающий субъект. Во-вторых, автор может исследовать абсолютно любой интересующий его вопрос без оглядки на потребности практики или специалистов. В-третьих, данный исследователь может принимать любое непротиворечивое множество предпосылок, в истинность которых он верит. Сказанное ведет к необходимости отличать любительское научное познание от профессиональной науки, которая интересуется помимо этого некогнитивным ценностным отбором знаний. Таким образом, мы полагаем, что при условии соблюдения соответствующих когнитивных норм не следует лишать результаты любительских исследований права считаться полноценным научным знанием: ведь и любительскую поэзию, не обладающую достаточной художественной ценностью, никто не считает из-за этого прозой.

Другой особенностью нашего подхода к науке является признание личностного характера любого знания, участвующего в научном исследо-

вании, поскольку даже коллективные изыскания предполагают отдельных авторов, каждый из которых либо самостоятельно разбирает свой круг взаимосвязанных вопросов, либо имеет собственное представление по вопросам, разрабатываемым в соавторстве. Любые же действия исследователя во внешнем мире охватываются его мышлением, пределов которого вообще не покидают исследования, генерирующие решение теоретических проблем без опоры на какую-либо новую информацию извне. Отсюда ясно, что специалисты одной области могут обладать научным знанием противоречивого содержания, хотя каждый из них обычно убежден в достаточности имеющегося обоснования и высказывает претензии на интерсубъективность своих взглядов. Сказанное вполне отражает реалии борьбы научных школ, не препятствуя при этом необходимости решать возникающие спорные вопросы новыми исследованиями. Тем же оппонентам, кто еще надеется повысить статус научного знания за счет «объективности» познаваемых истин, укажем на необходимость различать объективную истину как идеал и как инструмент познания. В качестве идеала эта категория, бесспорно, необходима, поскольку требует от исследователя бескомпромиссной борьбы с заблуждением в рамках принятых предпосылок. В качестве же инструмента она не применима к научному знанию, которое отказывается отвечать нашим высоким устремлениям. И если мы впредь будем пользоваться устаревшими, неадекватными теориями познания, то окажемся без интеллектуальной поддержки как перед случаями Геттиера, так и перед коперниканскими революциями, неевклидовыми геометриями, кризисами физики или какой-либо иной *эпистемической напастью*, которая может обрушиться на наши головы в любой момент в самом неподходящем месте.

Обратимся теперь непосредственно к проблеме Геттиера. В соответствии со сказанным будем считать героев всех контрпримеров субъектами любительского научного познания, проводящими независимые исследования и обменивающимися иногда информацией. При этом мы, конечно, не станем спорить, если кто-либо будет настаивать на профессиональном значении случаев Геттиера для эпистемологии. Каждый из таких случаев, очевидно, связан с пересмотром некоторого наличного знания, осуществляемым либо автором первоначального исследования, либо другим лицом, находившимся в курсе рассуждений автора (ситуация «корова на лугу»), либо неустановленным лицом (как в двух других приводимых примерах). Понятно, что последний вариант пересмотра можно уточнить и свести его к одному из двух предшествующих вариантов. Например, ситуацию с получением работы мы разрешим по первому варианту, предположив, что Смит получил информацию о своем назначении на должность от главы компании и сам же обнаружил деньги у себя в кармане. А ситуацию со знакомством молодых людей мы достроим до второго варианта введением нового персонажа – мамы Джека, изначально знавшей тайну его усыновления; этот персонаж и будет пересматривать знание об имени парня.

Как можно видеть, пересмотр по первому варианту сопровождается заменой старого знания на новое: несмотря на то что результат изначального и повторного исследования может быть одинаков, при пересмотре

происходит замена прежнего обоснования на новое, более глубокое, а в соответствии с тройственным определением это является признаком нового знания. Старое же знание не утрачивает свой научный характер, но «сдается в архив», становясь такой же исторической принадлежностью, как, например, теория флогистона. И мы видим, что у Смита были солидные основания в пользу как первичного заключения, так и последующего отказа от него – ведь в обоих случаях он получал информацию от самого компетентного в данном вопросе лица, не заинтересованного к тому же в обмане! И во второй раз такая информация послужила «новым обстоятельством», потребовавшим пересмотра научного «дела», не говоря уже о том, что у себя в кармане Смиты было гораздо вернее считать деньги, чем у Джонса.

Во втором варианте пересмотра исследователь также изменяет старое знание на новое, но исследуемым предметом для него служит личностное знание другого субъекта, подвергаемое фальсификации. Основанием для пересмотра служат различные нарушения, выявляемые в ранее проведенном исследовании и оспаривающие установленное им научное знание. Если эти нарушения подтверждаются, то «сдается в архив» не опровергнутое знание, по-прежнему приписываемое автору первоначального исследования, а знание о достоверности такого знания, которым ранее обладал исследователь-ревизор. Например, в ситуации «корова на лугу» гость, убедившись в ошибочности наблюдений хозяина и выявивший причину ошибки, изменяет знание не о том, что сам хозяин обладает личностным знанием о корове на лугу, а о том, что это знание достоверным образом обосновано и, следовательно, может считаться актуальным научным знанием. Обратим внимание еще на две когнитивные особенности разбираемого примера. Во-первых, собственное знание о пасущейся на лугу корове, установленное эмпирическим путем еще до визита к хозяину, гость пересматривает дважды: когда расширяет исходное обоснование, поверив в данные подтверждающих наблюдений хозяина, и когда удаляет из обоснования эти данные после фальсификации, заменяя их данными о повторно увиденной корове. Во-вторых, в итоге последнего, третьего по счету исследования гость устанавливает различие между знанием хозяина и своим знанием о корове на лугу, состоящее не в полученном результате, а в его обосновании: понятно, что лишь свое знание гость при этом считает достоверно обоснованным.

В примере со знакомством вопрос о пасущейся или отсутствующей на лугу корове трансформируется, очевидно, в вопрос о настоящем имени парня, также допускающий два возможных ответа. Однако роль компетентного «гостя» исполняет уже не только мама Джека, владеющая информацией о его настоящем имени, но и сам молодой человек, знавший себя как Джека еще до того, как назваться Эрнестом. Следовательно, в роли заблуждающегося «хозяина», чье исследование подвергают ревизии, здесь также оказываются два лица – Джек по отношению к маме и девушка по отношению к самому Джеку. Различие между двумя примерами с точки зрения пересмотра «гостем» личностного знания «хозяина» несущественно и состоит лишь в том, что ни маме, ни Джеку, умышленно введившим своих «хозяев» в заблуждение, не требуется для опровержения их взглядов знать что-либо еще

в дополнение к факту удавшейся дезинформации. Пересмотр и опровержение при этом происходят сразу же по получении недостоверных сведений обманутым человеком, чья исследовательская аргументация принципиально не интересуется «гостя» на предмет обоснования собственного знания, как в предыдущем примере: по данной причине ни мама, ни Джек вообще не пересматривают свое знание об имени. Отметим также, что для второго примера характерен и другой тип различия между личностным знанием задействованных лиц: на этот раз оно затрагивает не только обоснование, но и обосновываемый результат. Правда, если бы мама Джека знала, что он представился девушке под именем Эрнест, то зафиксировала бы совпадение своего знания о предмете со знанием девушки, как и в первом примере, по результату, но не по имеющемуся обоснованию.

Обратим внимание на то, что ни в одном из рассмотренных примеров ревизор первоначального исследования не делится пересмотренным знанием с заблуждающимся исследователем: гость не разъясняет хозяйину коровы ошибки наблюдений, мама не раскрывает Джеку тайны усыновления, а Джек не сознается девушке в обмане. Если бы такое произошло, то информированное лицо, несомненно, изменило бы свое знание по вопросу в соответствии с первым вариантом пересмотра ситуации, обсуждавшимся на примере со Смитом. Для обоснования модификации тройственного определения знания важно также показать, что ни одно из пересматривающих исследований не приводит к получению объективной истины, которая бы обладала «стопроцентной» достоверностью. Поэтому дополним каждый из трех изложенных выше случаев Геттиера таким образом, чтобы выявилась необходимость ревизии пересматривающих исследований. Например, порывшись основательно в своих карманах, Смит может обнаружить другой десятицентовик, что тут же фальсифицирует его выводы об обладателе работы; спустя еще некоторое время может выясниться, что первая монета была фальшивой, и ситуация, таким образом, «возвращается на место». В примере с пастбищем на следующий день гость может еще раз посетить хозяина и, застав корову в стойле, понять, что накануне обознался и видел на лугу не эту, но похожую корову. Наконец, некий юрист может разъяснить маме Джека, что документы на усыновление были оформлены с нарушением законности, вследствие чего молодой человек должен называться своим первоначальным именем Эрнест. Таким образом, все случаи Геттиера перестают служить опровергающими контрпримерами при удалении из тройственного определения знания признака объективной истины, поскольку новое определение устраняет «зазор» в когнитивном статусе пересматривающей и пересматриваемой истин, отныне полагаемых личностным знанием конкретных познающих субъектов при наличии у них рациональных обоснований.

Остается еще заметить, что рациональный скептицизм помогает справиться не только с проблемой Геттиера, но и с ее «антипроблемой», когда условия знания нарушаются, а субъект тем не менее им обладает. В качестве иллюстрации воспользуемся случаем «корова на лугу», переконструированным нами следующим образом. Гость на пути к хозяину проходит через луг, но не видит там никакой коровы; вместо нее на лугу лежит огромный лист

черно-белой бумаги. Во время последующего разговора с гостем хозяин смотрит в сторону луга и указывает на пасущуюся там корову: собеседник понимает, что хозяин принял за корову лист бумаги, но хранит молчание. Однако на обратном пути он действительно застаёт на лугу корову, убеждается, что деревья не мешают ее видеть со стороны хозяйского дома, а лист бумаги обнаруживает унесенным ветром в сторону деревьев. Отсюда гость заключает, что наблюдения хозяина были достоверны и он в самом деле обладал знанием о «корове на лугу». Анализ этого случая мы оставляем читателю.

Заключение. Завершим статью обсуждением теоретического и практического значения проблемы Геттиера. Как было показано выше, случаи Геттиера помогают вскрыть и устранить недостаток в тройственном определении знания, что служит доказательством важности данной проблемы для эпистемологии. Сходного мнения придерживаются и другие анализировавшие ее авторы из нашего списка литературы, за исключением А.Л. Никифорова, согласно которому «статья Геттьера» «как философское произведение ... не заслуживает никакого внимания» (Никифоров 2009: 67). Однако приводимая автором аргументация представляется слишком формальной и не выдерживающей критики (Ламберов 2010: 87-90).

Другой исследователь, Т.С. Демин, выражает сомнение в практической значимости проблемы (Демин 2019: 70-72). При этом он, как нам кажется, не разделяет значимость самой проблемы и того определения знания, к которому ведет ее решение. В первом, более узком, смысле практической значимости с автором можно согласиться – проблема Геттиера сама по себе слишком ничтожна, чтобы ученые, юристы, журналисты и даже теологи вдруг озаботились случаями Геттиера в своих когнитивных практиках. Однако во втором, более широком, смысле значимость проблемы нельзя, на наш взгляд, недооценивать. Ведь устранение из человеческого познания объективной истины и других инструментальных категорий аналогичного содержания есть важный шаг на пути к рационально-скептическому мировоззрению, способному надежно противостоять и анархизму, и догматизму в любой когнитивной практике. Значение этого шага особенно велико для общества, не успевшего еще полностью освободиться от последствий многолетнего доминирования «диалектического материализма», если даже среди эпистемологов укоренены предрассудки против субъективизма, скептицизма, релятивизма и самой возможности универсального научного метода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антоновский А.Ю. 2010. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // Эпистемология и философия науки. Т. 26, № 4. С. 101-118.

Демин Т.С. 2019. Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // Эпистемология и философия науки. Т. 56, № 3. С. 58-75.

Клейнман П. 2016. Философия : Краткий курс. Москва : Манн, Иванов и Фербер. 272 с.

Куслий П.С. 2011. Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Т. 14, № 2. С. 34–54.

Ламберов Л.Д. 2010. Как важно быть серьезным: о некоторых критиках Геттиера // Эпистемология и философия науки. Т. 26, № 4. С. 84–90.

Никифоров А.Л. 2009. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. Т. 21, № 3. С. 61–73.

Ольховиков Г.К. 2009. Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // Логос. Т. 70, № 2. С. 44–53.

Ольховиков Г.К. 2010. О реальных и мнимых недостатках определения знания как истинного и обоснованного мнения // Эпистемология и философия науки. Т. 26, № 4. С. 91–100.

Платон. 1993. Теэтет // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 192–274.

Полани М. 1985. Личностное знание. Москва : Прогресс. 345 с.

Поппер К. 2004. Предположения и опровержения: Рост научного знания. Москва : АСТ. 638 с.

Серов В. (сост.) 2005. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. Москва : Локид-Пресс. 880 с.

Сокал А., Брикмон Ж. 2002. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. Москва : Дом интеллектуал. книги. 248 с.

Фишер К. 2003. Введение в историю новой философии // К. Фишер. История новой философии. Москва : АСТ. С. 39–216.

Черняк А.З. 2009. Знание как функция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Т. 8, № 4. С. 69–80.

Шрамко Я.В. 2005. Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр // Философия науки. Т. 24, № 1. С. 3–19.

Ярцев Р.А. 2013. Научное исследование: «суд разума» или «эволюционный отбор»? // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Т. 51, № 4. С. 153–158.

Ярцев Р.А. 2015а. Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности // Аспирантский вестник Поволжья. № 3–4. С. 187–197.

Ярцев Р.А. 2015б. Рациональность в структуре науки // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Т. 63, № 4. С. 71–76.

Ярцев Р.А. 2018. Метод науки. Beau Bassin : LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 205 с.

Gettier E. 1963. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. Vol. 23. P. 121–123.

References

Antonovsky A.Yu. Semantic contextualism and the problem of non-standard definition of knowledge, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, vol. 26, no. 4, pp. 101–118. (in Russ.).

Chernyak A.Z. Knowledge as a function, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2009, vol. 8, no. 4, pp. 69–80. (in Russ.).

Demin T.S. Gettier problem: what should we do with the puzzle of analytical epistemology?, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 58–75. (in Russ.).

Fischer K. Einleitung in die Geschichte der neueren Philosophie, *K. Fisher, Istoriya novoy filosofii*, Moscow, AST, 2003, pp. 39–216. (in Russ.).

Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge?, *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123.

Kleinman P. *Philosophy: From Plato and Socrates to Ethics and Metaphysics, an Essential Primer on the History of Thought*, Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2016, 272 p. (in Russ.).

Kusliy P.S. Knowledge, the Gettier problem, and Some Discussions in Contemporary Russian Epistemology, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, vol. 14, no. 2, pp. 34-54. (in Russ.).

Lamberov L.D. The Importance of Being Serious: Some Critics of Gettyer, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, vol. 26, no. 4, pp. 84-90. (in Russ.).

Nikiforov A.L. Analysis of the concept of "knowledge": approaches and problems, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 61-73. (in Russ.).

Olkhovikov G.K. Knowledge as a true and informed opinion: how to neutralize counterexamples, *Logos*, 2009, vol. 70, no. 2, pp. 44-53. (in Russ.).

Olkhovikov G.K. On the real and imaginary shortcomings of the definition of knowledge as a true and informed opinion, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, vol. 26, no. 4, pp. 91-100. (in Russ.).

Plato. The Theaetetus, *Platon. Sobranie sochineniy, in 4 vols.*, Moscow, Mysl', 1993, vol. 2, pp. 192-274. (in Russ.).

Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*, Moscow, Progress, 1985, 345 p. (in Russ.).

Popper K. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*, Moscow, AST, 2004, 638 p. (in Russ.).

Serov V. (comp.) *Encyclopedic dictionary of winged words and expressions*, 2nd ed., Moscow, Lokid-Press, 2005, 880 p. (in Russ.).

Shramko Ya.V. Knowledge and belief: their development and critical revision, *Filosofiya nauki*, 2005, vol. 24, no. 1, pp. 3-19. (in Russ.).

Sokal A., Brickmont J. *Fashionable Nonsense. Postmodern Intellectuals' Abuse of Science*, Moscow, Dom intellektual'noy knigi, 2002, 248 p. (in Russ.).

Yartsev R.A. *Method of Science*, Beau Bassin, LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018, 205 p. (in Russ.).

Yartsev R.A. Rationality in the Structure of Science, *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, vol. 63, no. 4, pp. 71-76. (in Russ.).

Yartsev R.A. Scientific Research: "the Court of Reason" or "Evolutionary Selection"?, *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 51, no. 4, pp. 153-158. (in Russ.).

Yartsev R.A. The Dualism of Common Sense as the Basis of Scientific Rationality, *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*, 2015, no. 3-4, pp. 187-197. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рустэм Альбертович Ярцев

доктор философских наук, профессор кафедры автоматизированных систем управления Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ), г. Уфа, Россия; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>; SPIN-код: 1585-9373; E-mail: rust-66@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rustem A. Yartsev

Doctor of philosophy, Professor of the Department of automated control systems, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>; SPIN-код: 1585-9373; E-mail: rust-66@yandex.ru